

О СОВРЕМЕННОСТИ И ЭКСПЕРИМЕНТЕ

НАСТОЯЩИЙ театр только тогда сможет называться настоящим, когда он позовет тебя, притянет, заворочит, оторвет от всего, что в сиюминутной жизни представляется важным, неотложным — детей, работы, дома. Вырвет из суety будней, заставит стоять в очереди за билетами, волноваться и переживать перед массой: «А вдруг мне не достанутся? Кончатся перед самым носом?..».

Увы, в последнее время подобное волнение, но сожалению, не часто испытываешь. А почему? Что произошло, что изменилось? Кто изменился — театр или зритель? Трудно ответить на этот вопрос. Очевидно, стали другими оба.

Главное, пожалуй, в том, что мне, зрителю, надобно больше, чем театр может мне дать. Театр должен говорить со мной о самом злободневном, о том, что накопало в душе, о вопросах нерешенных, спорных...

Многие же спектакли, которые предлагает, например, Театр русской драмы, не притягивают, не завораживают, не разрешают сомнений («104 страницы про любовь», «Требуется лжец» и др.). Зрительный зал театра не всегда полный. И дело здесь не в конкуренции с кино или телевидением, как об этом иногда говорят. Не из-за этой «конкуренции» пустует зал. Ведь только театр (и в этом его сила) вызывает эффект сопереживания зрителя и живого актера. Ну, а если этого сопереживания нет? Значит, спектакль плохой. Он плохой, если я на нем скучаю, предугадываю и понимаю все заранее, прежде, чем мне скажут актеры. Значит, у этого спектакля низкий интеллектуальный уровень.

Часто в этом виновата пьеса. Много у нас ставят пьес, которые не тормозят зрительскую фантазию, она спит.

Театр же — не для сна души. Театр — это обоюдное, взаимобогащающее творчество. Но, чтобы было возможно такое творчество, театр должен вести продуманный поиск. Наш город не столь богат театрами, и поэтому, думается, в репертуаре его Русского драматического театра хорошо бы представить самые разнообразные жанры — от пантомимы до трагедии. И совсем не обязательно только традиционная форма спектаклей с 2—3-мя действующими. Почему-то совершенно не притягивают спектакли-концерты (отрывки из комедий или трагедий; пародийные сценки типа напустинка), вечера отдельных актеров, например, вечер любимых, но несыгранных ролей. Можно было бы дать возможность актеру сыграть ту роль, которую бы он хотел, но в связи с какими-то обстоятельствами не смог сыграть. Почему не использовать эти экспериментальные формы?

Театр совершенно перестал ставить классику, особенно русскую. Не играют Софокла, Шенспира, Фонвизина, Гоголя, Мольера, Островского, Чехова, Горького, Чапкова, Маяковского. Банкиному зрителю совершенно неизвестны современные западные драматурги: Б. Брехт, Шон О'Кейси, Ануэйл, М. Фриш, А. Миллер, Д. Осборн.

Чем это объяснито? Неужели нежеланием творчески дерзать?

Конечно, постановка классических пьес — дело трудное. И успех приходит только тогда, когда режиссер, оставаясь верным основным идеям автора, обогащает со-

держание пьесы современным миропониманием. Так произошло, например, с грибоедовским «Горем от ума» в Ленинградском Большом драматическом театре имени Горького в постановке Товстоногова. Нелогов и Брехт. Но ведь сейчас — это один из самых популярных драматургов мира. Пьесы его идут в Москве, Ленинграде, Таллине... И только в нашем городе никак не раскочуются его постановки. А надо бы.

Редко у кого из современных драматургов так четко звучит социальная мысль, столь отчетливо революционное отношение и действительность. К тому же, Брехт дает колоссальный простор режиссерской выдумке и, видимо, принеся на нашу сцену что-то резко отличное от того, к чему мы привыкли.

Недавно только было открыто наследие Михаила Булгакова. Почему же не ввести в репертуар нашего театра кануно-нибуду из пьес Булгакова — «Дни Турбиных», «Бег», «Мольер». Но наш театр словно боится сложных пьес — то ли не верит в свои силы, то ли в зрителя. Мовет, поэтому, когда и выбирает редного, забытого автора, то почему-то ищет что-нибудь попроще или вернее, да простят мне резкость, полпоще. Вот же выбрали из наследия Зощенко «Парусиновый портфель». Я плохо знакома с драматургией этого писателя, но вряд ли, если решится напомнить о наследстве Зощенко, надо это делать именно там, как сделал Театр русской драмы. Неужели набор наивных несутражиц, мешанских благоглупостей, поданных театром без какого-то особого осмысления, может занять ум и сердце нашего современника, мо-

жет заставить его должным образом оценить Михаила Зощенко и вообще доставить хоть какое-нибудь художественное наслаждение? По-моему, таной спектакль, как «Парусиновый портфель», способен лишь в лучшем случае вызвать недоумение. Видимо, театр надеялся, что зритель будет смеяться. Но ведь зритель сегодня умнее, глубже. И хотя он любит веселье и смех, но смеит его не всякая наивность, а поострее...

Во всех областях нашей сегодняшней жизни явственно ощущается дух эксперимента. Заметен он и в театральной жизни. Вполне закономерно поэтому появление небольших театров, зачастую возникших из студий («Современники», театр на Бронной в Москве и др.).

Может быть, и в Бану нужны такие маленькие театры? Со своим особым, необычным, смелым лицом. Думаю, что да.

Маленькие театры, но большие антеры! Помню, в Ленинграде и ходила на Черкасова. Он играл разные роли (Осип в «Ревизоре», Иван Грозный в «Великом государе» и др.). Была неважна пьеса, в которой он играл, это был великий актер во всякой роли.

Хочется видеть таких актеров и в нашем театре, хочется стоять в очереди за билетами на наши спектакли, хочется, чтобы постоянно по дороге в театр вас тревожили столь редким сейчас вопросом «А нет ли у вас лишнего билета?».

Р. КЕГАМЯН,

старший преподаватель кафедры русской и советской литературы АПИ языков имени М. Ф. Ахундова.